ВЕРА СЕРКОВА

К ВОПРОСУ О ПРОСТРАНСТВЕННОМ
КОНСТИТУИРОВАНИИ В ФЕНОМЕНОЛОГИИ
ЭДМУНДА ГУССЕРЛЯ

TOWARDS THE SPATIAL CONSTITUTING IN THE PHENOMENOLOGY OF E. HUSSERL

The article is devoted to phenomenological theory of spatial constituting in the philosophy of E. Husserl. It examines the basic concepts associated with the sense of spatial perception and spatial reflection, personal or bodily consciousness, kinestezy, appresentation, apperception. The author shows the connection the theory of spatial syntheses of consciousness with the theory of temporal syntheses of consciousness.

Keywords: corporeality, corporeal consciousness, kinestezy, appresentation, apperception, spatial syntheses of consciousness.

Статья посвящена феноменологической теории пространственного конституирования в философии Э. Гуссерля. В ней анализируются основные понятия, связанные с восприятием пространства и с пространственной рефлексией. Анализируются понятия: телесное, или плотское сознание, кинестезы, аппрезентация, апперцепция. Демонстрируется связь теории пространственных и темпоральных синтезов сознания.

Ключевые слова: телесность, плотское сознание, кинестезы, аппрезентация, апперцепция, пространственные синтезы сознания.

Пространство оставалось предметом внимания Эдмунда Гуссерля на всех этапах его философской деятельности. Можно утверждать, что пространственная проблематика вообще никогда не исчезала из поля зрения философа. Его интерес к геометрии как одного из видов пространственного конституирования проявился в начале его научной карьеры, о чем свидетельствует предисловие к самой ранней его работе «Философия арифметики» (1891), которая во многом стимулировала развитие его философских идей. В ней ведется речь о необходимости изучения неевклидовых геометрий. Архивные бумаги 1889–1901 гг., опубликованные в 12-м томе *Гуссерлианы*,¹ так же как «Статьи и иссле-

¹ *Husserl E. Philosophie der Arithmetik. Mit ergänzenden Texten (1890–1901) / hrsg. von Lothar Eley. 1970.*

дования по арифметике и геометрии» (21-й том *Гуссерлианы*),² свидетельствуют о том, что Гуссерль постоянно проявляет интерес к проблеме пространственного конституирования. В небольшой работе, не предназначенной самим Гуссерлем для публикации и названной впоследствии издателями «Начало геометрии», он проясняет свою позицию в отношении к фундаментальным основаниям «сознания пространственности». В «Фундаментальных исследованиях феноменологического истока пространственной природы» Гуссерль уточняет, что для него геометрия есть лишь название для выражения связи пространство-временности.³ Эта работа была задумана как пролегомены к «науке о начале пространственности и телесности».⁴

К чрезвычайно важному периоду становления гуссерлевой философии относятся материалы, опубликованные в 16 томе *Гуссерлианы* под названием «Вещь и пространство».⁵ Характерно, что одновременно Гуссерль разрабатывает теорию феноменологической редукции в первой книге «Идей к чистой феноменологии». Одной из важнейших для Гуссерля тем в это время становится пространственная интуиция, которую он исследует во второй книге «Идей к чистой феноменологии».⁶ Он различает пространство каждодневного опыта и геометризированный (математический) опыт как восприятие «в пространстве» и восприятие самого пространства. Однако, согласно Гуссерлю, ни визуальное поле, ни математические конструкторы не выявляют непосредственно базовых пространственных интуиций. Согласно представлениям Гуссерля, существует более непосредственный и более фундаментальный опыт пространственного схватывания, уже включенный в обычное визуальное и каждодневное восприятие.⁷

В работе «Начало геометрии» Гуссерль показывает, как осуществляется редуктивистская практика феноменологического исследования и структурируется феноменологический опыт описания пространствен-

² *Husserl E. Studien zur Arithmetik und Geometrie. Texte aus dem Nachlass (1886–1901) / hrsg. von Ingeborg Strohmeier. 1983.*

³ *Гуссерль Э. Начало геометрии. М.: Ad Marginem, 1996.*

⁴ Там же. С. 20.

⁵ *Husserl E. Ding und Raum. Vorlesungen 1907 / hrsg. von Ulrich Claesges. 1973.*

⁶ *Husserl E. Zweites Buch: Phänomenologische Untersuchungen zur Konstitution // Husserl E. Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie / hrsg. von Marly Biemel. Nachdruck, 1991.*

⁷ *Drumond J. Space // Encyclopedia of phenomenology. Dordrecht; Boston; London, 1997. P. 671.*

ности как формы сознания. При этом феноменологическая дескрипция ориентирована не на потенциально расширяющийся объем знания, а на изучение той неизменной базовой основы опыта, которая воспроизводится всякий раз во всех возможных эмпирических случаях. Гуссерль называет эту основу «началом» и исследует сущность этого фундаментального принципа.

Анализ пространственного конституирования осуществляется Гуссерлем на основе специфических актов сознания, в которых формируются предметности визуального поля, ограниченного множеством связанных с точкой восприятия перспектив, соотносенных с первичным импрессиональным предметным содержанием. Речь идет о таком реконструировании сознания «наличного пространства», которое, в соответствии с гуссерлевой терминологией, можно было бы назвать внутренним сознанием пространства.

В 4-м томе *Гуссерлианы* опубликованы материалы ко второй книге «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии» — «Феноменологические исследования конституции». Основной темой исследования здесь стало то, что Гуссерль определяет понятием «кинестезис» (*Kinästhesis*), которое имеет смысл спонтанной телесной реакции на движущийся и меняющийся источник восприятия. Кинестезис является особым типом сознания, которое Гуссерль относит к «плотскому сознанию», фиксирующему и направляющему процессы телесной корреляции содержаний восприятия. Кинестетическая теория отразилась на исследованиях пространственно-телесной проблематики в феноменологии М. Мерло-Понти и М. Дюфрена, она повлияла на французскую постфеноменологическую теорию и на мышление тех философов, чьи концепции имеют эклектический характер, и феноменология которых сводится лишь к «феноменологическому мотиву» или к «феноменологическому остатку»,⁸ что бы ни подразумевали интерпретаторы под этими понятиями. Проблематика телесности особенно явственно определяет основу философствования таких философов-постмодернистов как Ж. Деррида, Ж. Делез, Ж. Бодрийяр, Ж. Лакан и др.

«Плотское сознание», которое анализирует Э. Гуссерль, представляет собой основу деятельности сознания, его разнообразной активности, и в этом смысле оно фундирует ее, как и в случае с темпоральными синтезами. П. Прехтль отмечает, что кинестезы — это не просто ощущения как части сознания. «Скорее, кинестезы представляют собой

⁸ Жак Деррида в Москве. М.: Ad Marginem, 1993. С. 18-19

исходно-предельные данности».⁹ Пространственное сознание представляет собой «телесно фундированное единство» и выражает «состояние сознания тождественного реального человеческого субъекта, который в этих состояниях сознания изъясняет свои индивидуальные реальные свойства <...>, единые с его являющимся телом».¹⁰

Тело, редуцированное в своей эмпиричности, в феноменологии представлено структурной основой актов сознания («телесно фундированное единство сознания»). Гуссерль анализирует его прежде всего как форму апперцепции («естественной апперцепции»), — и в этом смысле оно представляет «новый слой сознания». В редукциях смысл этого телесно фундированного сознания не утрачивается и тело как феноменологически понятая трансценденция утверждается в дескриптивной аналитике.

Во второй книге «Идей...» Гуссерль описывает опыт пространственного конституирования, исходя из идеальной ситуации, в которой телесные акты отождествляются поначалу с полем «простого» восприятия, когда воспринимающий находится в абсолютном покое. Затем Гуссерль вводит в эту упрощенную схему все новые и новые кинестетические акты — окуломоторную двигательную координацию глаза и цефаломоторную кинестетическую согласованность простейших движений головы. Эти виды телесной корреляции очень сильно меняют структуру первоначального визуального поля — настолько, что предмет может появляться или исчезать в зависимости от направления движения воспринимающего. Изменения, вносимые движениями глаза и головы, представляются Гуссерлю исходными формами телесного согласования материи восприятия. Следует отметить, что сама простота анализируемых актов не должна дать повод упрекнуть Гуссерля в физиологической тривиальности, что, кстати сказать, имело не раз место даже в среде ближайших последователей Гуссерля.

Итак, Гуссерль основывает анализ телесности на элементарных квадринеправленных движениях глаза и головы (вверх-вниз; вправо-влево), являющихся основой конституирования визуального поля. Он стремится понять, как порождается интуиция пространственной двухмерности, которая возникает именно в простых актах «плотского сознания». Гуссерль специально анализирует эти элементарные и глубокие формы интуиции,

⁹ Прехтль П. Введение в феноменологию Гуссерля. Томск: Водолей, 1999. С. 50.

¹⁰ Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии. Т. 1: Общее введение в чистую феноменологию. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 121.

определяющие непосредственные содержания воспринимаемого в кинестетических синтезах «плотского сознания». Человеческий глаз как моделирующая двигательная структура работает в режиме криволинейного плоскостного преобразования видимого материала и ограничивает возможности восприятия пределами зрительного поля. Мир в таком отражении представляет собой сосредоточенную у поверхности глаза развернутую криволинейную плоскость, охватывающую тело со всех сторон. Гуссерль показывает, что та «непосредственная данность» зрительных образов, которая предстает воспринимающему в естественной установке, не является интуитивной основой опыта, поскольку само зрительное восприятие скорее входит в структуру иллюзорного (телесно искажающего) моделирования, чем адекватного или объективного отражения реальности, материалистически или эмпирически понимаемой.

Гуссерль полагает, что телесное сознание определяет картину мира в соответствии с эвклидовой моделью, допускающей известное упрощение и существенную «неправильность» в отражении картины «реального» устройства вещей — зрительно мир утверждается плоским, и потому именно эвклидова геометрия кажется нам «врожденной», т. е. находящейся в полном соответствии с исходными пространственными интуициями. Он считает ее первичной по отношению к другим геометриям на основании того, что математические интуиции, заложенные в аксиомах эвклидовой геометрии, изначальны и предшествуют формам фундаментальных трансформаций, привносимых глазом в актах телесного восприятия. Чтобы разъяснить, что представляет собой реальность в феноменологическом смысле (описать *geell* сознания) и дополнить картину зрительных пространственных интуиций, Гуссерль в работе «Вещь и пространство» вводит понятие дистантности и, тем самым, вносит в зрительно-условную систему плоскостной развертки глубину, которая может привести к пониманию того, что именно стоит за интуицией трехмерности вещного мира. Вещь провоцирует и стимулирует нашу двигательную активность, а, следовательно, и наше восприятие-сознание, результатом чего являются множественные смысловые проекции ее в восприятии, наполняющие интуицию трехмерности все новыми содержаниями.

Это, в соединении с тактильными ощущениями, вносит в телесный опыт нечто чрезвычайно новое и ценное, несмотря на то, что акты дистантного пространственного сознания действуют на основе простейшей бинарной схемы, — можно дотянуться до предмета или нет, — и в зависимости от этого «плотское сознание» коррелируется интуицией удаленности вещи.

Нас не должно смущать, что трехмерность как бы достраивается сознанием или надстраивается над двухмерной картиной восприятия, и акт рефлексии не должен ставить под сомнение интуитивную природу пространственного конституирования в целом. Все пространственные интуиции (как двухмерности, так и трехмерности) изначально и зависят только от того, какое поле, какой горизонт, какую проекцию сознание выбирает в своем пространственном опыте. С феноменологической позиции живопись столь же соответствует нашей природной визуальной интуиции, как и скульптура, — двухмерная картина не менее естественна для нашего восприятия, чем воспринимаемый объем фигуры в трехмерной проекции. Видение и осязание — это конституирующие формы восприятия, полноценные структуры сознания, его фазы, которые в феноменологии описываются как темпорально-кинестетические акты. Если ретенции, или первичные ожидания, основаны на временной непрерывности восприятия, то акты аппрезентации являются дискретными, прерывающимися во времени содержаниями опыта, вносящими в него совершенно «новый» материал. Но так же как и аппрезентирующие акты, ретенции-антиципации фундируются в модальности веры, не совпадающей с модальностями настоящего-ненастоящего.¹¹

Очевидно, что гуссерлево пространственное конституирование отличается от традиционной сенсуалистской теории ощущений и теории первичных предметных качеств, поскольку для феноменологического анализа существенна «активность ощущений», источник которых лежит в интенциональной, изначально активной, деятельности сознания, а не в вещественной природе мира.

Теорию восприятия Гуссерль дополняет понятием «аппрезентации», которое он вводит в «Картезианских размышлениях» для обозначения «горизонтной отсылки за пределы присутствующего».

В актах аппрезентации в телесном сознании осуществляется корректировка прямого и опосредованного видов опыта. В описании форм аппрезентации конкретизируется гуссерлево понимание очевидного как того, что не сводится к данностям прямого созерцания, но что все-таки укоренено в интуициях. Роль интуиции в процессе начала, продолжения, отстраивания и завершения опыта становится очевидной именно в аппрезентации.

В «Картезианских размышлениях» Гуссерль показывает важность (и неочевидность) производимых в апперцепции синтезов различных

¹¹ Там же. С. 103.

содержаний. Апперцептивная (или презентативная) работа восприятия, основой которой выступают пассивные синтезы сознания, должна быть дополнена синтезами аппрезентативными, или актами представления. Каждый природный объект, данный в опыте и доступный познанию «в нижнем слое», т. е. феноменологически определяемый как трансцендентная данность, как вещь, «получает отсюда свой аппрезентативный [не представленный в созерцании] слой (который, впрочем, никоим образом не доступен созерцанию в развернутом виде) — в синтетическом единстве с первопорядковыми данностями».¹²

Акты аппрезентации осуществляются и «в отношении конкретных объектов более высокого уровня» — мира людей и культуры. Синтезы аппрезентации в этом случае — это структуры согласованных подтверждений осуществлявшегося ранее опыта, который, не являясь непосредственным, тем не менее, возобновляется по принципу «возможного сколь угодно раз повторения» в формах intersubjectивности. В гуссерлевой теории intersubjectивности аппрезентация выступает в роли идентифицирующего фактора во взаимодействии двух видов опыта — индивидуального и коллективного. Аппрезентируемый предмет всегда остается трансцендентным, т. е. определяемым тем, что Гуссерль называет «компонентой несобственного восприятия», поскольку она проявляется как «комплексная» интенция и включает в структуру имманентного переживания вставку «чужого опыта», например, в формах категориальной интуиции, или идеации. Самое примечательное в этой связи состоит в том, что аппрезентация проявляет механизм функционирования предметов мира культуры.

Таким образом, «плотское сознание» утверждается на интенциональной предметной основе и анализируется Гуссерлем как телесно-ментальное конституирование, основанное на темпорально-пространственных синтезах. С одной стороны, «плотское сознание» является, так сказать, полноценной и нормальной формой сознания, а, с другой стороны, в нем явственнее, чем в какой-либо другой деятельности сознания проявлены гилетические, материальные, телесные и вещественные его содержания. В «Феноменологии внутреннего сознания времени» Гуссерль анализирует связи пространства и времени и переход от феноменологического времени к пространству-времени вещи: «если первично представленные (*urprasenten*) чувственные данные кроме первичных представлений (*Urpräsentation*) и сущностно с ними связанных первичных ретенций

¹² Гуссерль Э. Картезианские размышления. М.: Ювента, 1998. С. 240.

и первичных протенций непрерывно несут в [себе] характер схватывания конституирования пространственной вещи, [то] феноменологическое время и время пространственной вещи [Baumzeit der Dinge] должны совпадать во всех точках». ¹³ И далее: «К формам объективации, таким образом, можно — в феноменологическом смысле этого слова — отнести конституирование одного всеобщего пространства (All-Raum), которое воспринимается вместе — и в каждом отдельном восприятии в той мере, в какой воспринимаемая вещь является в своей телесности». ¹⁴

На наш взгляд, значение теории внутреннего сознания пространства состоит в том, что, обращаясь к анализу кинестез, Гуссерль проясняет роль телесности в общей структуре сознания. Дополняя темпоральную характеристику сознания пространственной и включая телесность в общую структуру интенциональности, Гуссерль укрепляет и развивает основы феноменологической аналитики.

Внимание Гуссерля к кинестетическим процессам помогает ему феноменологически преодолевать многие предрассудки «обыденного сознания» относительно того, каким видится предмет в зрительном восприятии, и восполнять в описании работы сознания те фазы восприятия, которые выпадали из аналитики как несущественные. Теория кинестезиса, которую Гуссерль излагает во второй книге «Идей...», показывает, как тщательно он реконструирует зрительный образ, переводя его в структуру феноменологической дескрипции.

Феноменологическая дескрипция актов восприятия позволяет Гуссерлю изжить иллюзию, в соответствии с которой элементарные чувственные акты осуществляются при нейтрализации самого сознания. Для Гуссерля сфера сознания тотальна, т. е. не существует ни одного фрагмента реальности, в котором бы сознание не было бы задействовано, или только бы отражало какую-то иную реальность, кроме «реальности самого сознания». Отсюда следует главное возражение Гуссерля на аргументы позитивистски настроенных исследователей: нет первичных данностей (качеств) мира, вкладываемых в восприятие со стороны объективной действительности, как вообще в сознании нет чистой материальности. Эту мысль, вообще говоря, следует оформить тавтологически: мир нашего сознания, т. е. тот единственный мир, какой нам доступен, — это результат нашего сознания.

¹³ Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени // Гуссерль Э. Соч. М.: РИГ «Логос», 1994. Т. 1. С. 98.

¹⁴ Там же. С. 141.

На фоне жестких конструкций «отражения» Гуссерль реконструирует полноту акта восприятия. Воспринимаемое, феноменологически понятное, раскрывается не посредством предикции объективных или первичных качеств предданной реальности, но показывается как многомерный, многосложный процесс надстраивания интенциональных содержаний. Потому конституирование пространственной модели восприятия является действительно философским открытием, которое служит основанием для критики образного представления так же, как и для критики теории отражения в натуралистических концепциях.

Что касается «протокольных» суждений об объекте, то они также не содержат фактичности и, с позиции Гуссерля, они не удовлетворяют требованиям очевидности. Так, например, можно, ориентируясь на историко-культурные источники, долго воспроизводить чужую ошибку в вычислении диаметра купола какого-нибудь архитектурного сооружения, и всякий, кто приводит какие-либо конкретные данные, берет их на веру, докисически, и в предельном случае для пущей достоверности и эмпирической корректности должен сам производить необходимые обмеры, причем к ним должны присоединяться другие корректирующие измерения, которые сами, в свою очередь, должны проверяться, — и так до бесконечности. Вследствие опосредованности таких характеристик, мы никогда не сможем избавиться от сомнения в том, что в этих обмерах имеется какая-то погрешность, связанная либо со сложностями процедуры измерения, либо с качеством измерительного эталона. Рене Декарт в «Рассуждении о методе» достаточно убедительно показал, чего стоят любые так называемые объективные характеристики мира. Для феноменолога любые предикаты предмета, или его смыслы производятся, так сказать, в стенах сознания, и потому измерения, фундированные в зрительной коррекции, требуют корреляции в более глубоком интуитивном слое сознания, а также в описании возможных модификаций первичных импрессий в структурах темпорального и пространственного конституирования. Феноменологически такие характеристики сооружения, как его величина, объем, вообще все его материальные параметры, не могли бы рассматриваться как абсолютные, на которые можно опираться в анализе его «объективных качеств».

Характеризуя структуру восприятия в гуссерлевом предметном описании можно согласиться с тем, что в нем в совершенно новой перспективе представлены те акты, которые не попадали в поле зрения философов как элементарные целостности пред-сознания и всегда рассматривались как, так сказать, аксиоматическая основа рациональной

деятельности. Гуссерль не только привел к единству множественность структур такой первичности, но описал процессуальное развертывание первичных содержаний сознания. Он конкретизировал понимание интуитивных основ восприятия. При помощи темпорального и пространственного конституирования Гуссерль выявляет принципиальные отличия непосредственных и репродуктивных актов, описывая работу сознания не только как движение в абсолютном, предлежащем всякому конституированию потоке сознания, но и в каждой фазе этого потока выявляя континуальность оттенков. Как подметил Я. Хинтика, для Гуссерля невозможно феноменологическое истолкование воспринимаемого как картинки, отображающей интенцированный предмет («мы не можем, — говорил Гуссерль, — думать о перцепции как рецепции образа того, что воспринимается»).¹⁵ По сути дела, теория пространства-времени позволяет корректно и просто, не впадая в редуктивистскую дурную бесконечность реконструировать смысл реальности.

И одной из опор понимания, позволяющего осмыслить процесс «реализации» внешних трансцендентных вещей, является пространственная интуиция. Сознание постоянно достраивает первичный плотский образ до объемной пространственной вещи. И вот что следует выделить особо, — к непосредственному восприятию примысливается воображаемый в сознании предмет. И мы обычно не замечаем этой подмены. Так мы воспринимаем архитектурное произведение и имеем дело с непосредственно данной нам пространственной структурой, которая не может быть дана нам полностью, поскольку для этого нужно совершенно иным образом организованное зрение, и потому доводим его до возможной полноты посредством воображения. Таким образом, предметом описания является то, что схватывается сознанием как некоторая очевидным образом присутствующая сущность, определенно конкретная, «вот эта вещь» «это здание», «это ампиное сооружение», «этот театр», сущность, которая наполняется смыслами «по мере явления», «по мере сущности», «по мере понимания», по мере конституирования сознанием явления. Вне сознания единственно, что мы можем констатировать, что предмет присутствует, наличествует — гипотетически и проблематически. Всякое индивидуальное сознание конституирует эту сущность всякий раз заново, и вне этого способа осуществления у предмета нет возможности «быть». Поэтому, определяя, или описывая предмет, мы

¹⁵ *Hintikka J. The phenomenological dimension // The Cambridge Companion to Husserl. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1998. P. 81.*

всякий раз даем ему возможность осуществиться посредством нашего сознания. И потому еще кроме своей предметной сути и тех горизонтов смысла, которые наполняют предмет, любое явление осуществляется посредством разных форм сознания. Одно дело, когда мы видим Александринский театр, другое — когда слышим, как о нем рассказывают другие и достраиваем его, опираясь на эти описания в своем воображении, и совсем иное дело, когда рассказчиком выступает такой знаток, как И. Грабарь, который видит предмет в совершенно особом горизонте смыслов. Благодаря описаниям знатоков мы конституируем предметы не только «по мере восприятия», но и «по мере понимания» и «по мере знания». Но кроме потенциально расширяющегося объема знания о предмете, в описании проявляется также неизменная базовая основа опыта, которая воспроизводится всякий раз во всех возможных эмпирических случаях, — и это пространственно-временное предметное, насыщенное (или не насыщенное) ее явление в сознании.

Но, с другой стороны, этот индивидуальный уникальный и единичный опыт восприятия встраивается в бесконечно расширяющийся поток знания о предмете. И, в первую очередь, здесь имеет значение видение этих предметов знатоками, культур-медиумами, обладающими способностью «сверхвидения», или конгениального понимания их природы. Вся полнота возможного знания, его предметная «теория» в предельном объеме возможна в феноменологии как его «ноэма», или «смысл в модуле его полноты».¹⁶

АВТОР

СЕРКОВА ВЕРА АНАТОЛЬЕВНА — доктор философских наук, профессор кафедры отечественной и зарубежной культуры Санкт-Петербургского государственного Политехнического университета.

SERKOVA VERA — Ph. D., Professor of the Department of Native and Foreign Culture, St.- Petersburg State Polytechnic University.

E-mail: henrypooshel@rambler.ru

¹⁶ Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии. Т. 1. С. 285.